

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-РЕФЛЕКСИВНАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.П. ЗИНЧЕНКО

И.Н. СЕМЕНОВ

Семенов Игорь Никитович — профессор факультета психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, лауреат Премии Президента РФ в области образования.

Сфера интересов — психология мышления, рефлексии, сознания, индивидуальности, профессиональной деятельности, творчества.

Основные труды: «Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности» (2000), «Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях» (в соавт., 2002), «Проектно-исследовательский подход в рефлексивной психологии инновационного образования» (в соавт., 2011), «Рефлексивно-организационная психология» (в соавт., 2011).

Контакты: i_samenov@mail.ru

Резюме

В статье предлагается культурно-историческая периодизация жизнедеятельности В.П. Зинченко, дается целостный абрис панорамы его познавательных интересов и показывается разнообразный вклад в современную науку и культуру. При этом выделяются и систематизируются основные аспекты научного творчества В.П. Зинченко, суть которого определяется как энциклопедизм ренессансного типа. На фоне анализа человекознания рубежа XX–XXI вв. характеризуется созданная им оригинальная философско-психологическая система и ее конкретизация в виде развития общепсихологической теории деятельности и построения системно-психологических концепций взаимодействия образа и действия, интеллекта и аффекта, сознания и рефлексии, интуиции и творчества. Показано присущее научной деятельности В.П. Зинченко единство фундаментальных исследований и их практической реализации в сфере психологического обеспечения развития системотехники и управления, эргономики и дизайна, педагогики и образования, литературы и культуры.

Ключевые слова: *человекознание, психология, Зинченко В.П., жизнетворчество, образ, деятельность, сознание, рефлексия, интуиция, культура.*

Введение:
О рефлексивно-персонологическом подходе к анализу жизнотворчества индивидуальности

Одной из новаций современного человекознания является выдвижение стратегии построения персонологии в целях психологического исследования целостной личности как субъекта жизнедеятельности во всей полноте его самобытного бытия и системного проявления индивидуальных свойств. Согласно В.П. Зинченко (2010), рефлексия во многом определяет целостность сознания человека. Действительно, ключевым механизмом, конституирующим эту целостность служит экзистенциальная рефлексия (Аникина и др., 2002), осуществляющая не только осознание и переосмысление личностью перипетий своего жизненного пути в ситуациях поведения и деятельности, но также целеобразование, самоотношение и самоопределение субъекта в процессе его личностно-профессиональной самореализации в социокультурном пространстве (Семенов, 2011).

Наиболее ярко персонологическая и экзистенциально-рефлексивная феноменология проявляется в прецедентах жизнедеятельности творческих личностей, комплексное изучение которых требует междисциплинарного взаимодействия персонологии с психологией: личности и индивидуальности, сознания и деятельности, рефлексии и творчества. С учетом опыта наших историко-персонологических исследований психологии индивидуальности ученых, философов, писателей (Семенов, 2006а, 2009а) обратимся к социокультурному и экзи-

стенциально-рефлексивному анализу персонологии жизнотворчества и содержания профессиональной деятельности нашего современника, крупного ученого, креативной личности и яркой индивидуальности — Владимира Петровича Зинченко, 80-летний юбилей которого отмечается ныне научной общественностью.

О становлении ученого на перекрестке научных школ, традиций и новаций

Плодотворную, но недооцененную роль в развитии науки, техники, культуры играют коллективно-распределенные субъекты совместного творчества: литературные, философские и научные школы; художественные, исследовательские и конструкторские группы; ценностные, эстетические, стилевые, предметные и методологические традиции; а также новаторские объединения энтузиастов (в образовании, науке, технике, искусстве) и семейно-профессиональные династии, в экзистенциально-рефлексивном лоне которых формируются творческие индивидуальности (причем явно опровергая расхожий трюизм о том, что природа якобы отдыхает на детях талантливых отцов). Тому тьма ярких примеров в истории культуры и науки: вспомним династии композиторов Бахов; художников Бенуа; писателей Дюма; философов Дж. и Дж.Ст. Милль; физиков М. и И. Кюри, П.Л. и Л.П. Капицы; микробиологов Г.К. и К.Г. Скрябиных; эволюциониста Ч. Дарвина и его близкого родственника психолога Ф. Гальтона.

Полуторастолетняя (со времен И.М. Сеченова, А.А. Поттебни, В.М. Бехтерева) история поступательного

развития российской психологии не только характеризуется в эпистемически-продуктивном плане фундаментальными и прикладными достижениями, оригинальными концепциями и методами, но и знаменуется в экзистенциально-персоналогическом плане яркими творческими индивидуальностями, а порой и выдающимися научными династиями: Л.С., Г.Л. Выготские-Кравцовы; А.Н., А.А., Д.А. Леонтьевы; А.В. и В.А. Петровские; А.В. и В.А. Барабанщиковы; Л.И., Е.Д. Божовичи; Л.А. и А.Л. Венгеры; М.П. и Л.М. Коробейниковы-Митины, Т.В. и В.Т. Кудрявцевы; Т.Н. и Д.В. Ушаковы, Н.Н. и А.Н. Поддьяковы и др.

Пожалуй, одной из наиболее разветвленных среди них является династия П.И., В.П., Т.П., А.В. Зинченко — научное творчество трех поколений прогрессирует в XX–XXI вв. сначала на Украине (Петр Иванович в Харькове), затем в России (Владимир Петрович в Москве, Татьяна Петровна в Петербурге) и теперь (Александр Владимирович) в США, являясь наглядным воплощением интернациональных и междисциплинарных взаимосвязей ученых-психологов в современном глобализирующемся обществе знаний. Связующим столпом поколений этой династии является яркая, самобытная, многогранная творческая личность академика РАО Владимира Петровича Зинченко — сына преподавательницы психологии в консерватории и члена-корреспондента АПН РСФСР Петра Ивановича Зинченко, брата профессора ЛГУ Татьяны Петровны Зинченко, отца доктора психологии Александра Владимировича Зинченко и супруга психолога Натальи Дмитриевны Гордеевой.

Их научную деятельность объединяет не только схожий фундаментально-прикладной интерес, прежде всего, к когнитивной сфере психики: П.И. Зинченко (1961) — к проблемам памяти, В.П. Зинченко (1958, 1997), Т.П. Зинченко (2000), Н.Д. Гордеева (2001) — восприятия, действия, памяти, внимания и оперативного мышления, а А.В. Зинченко (2009) в духе времени комплексно изучает когнитивное развитие личности в психотерапевтических практиках (см.: Зинченко, 2010, с. 272–274), но также сходные исследовательские интересы и общие концептуально-методологические подходы. Эти принципиальные позиции восходят к традициям и новациям крупных отечественных научных школ: культурно-исторической психологии Л.С. Выготского — А.Р. Лурии и новаторски развивавших ее идеи харьковской школы психологии деятельности и действия А.Н. Леонтьева — П.Я. Гальперина и московской школы детской психологии А.В. Запорожца — Д.Б. Эльконина (ее потом в разных направлениях продуктивно развивали В.В. Давыдов и В.П. Зинченко, которые в многолетнем творческом содружестве тесно взаимодействовали не только с психологами, но и с философами: Э.В. Ильенковым, В.А. Лекторским, В.А. Лефевром, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорским, В.Л. Рабиновичем, В.С. Швыревым, Г.П. Щедровицким, Э.Г. Юдиным и др.).

Всех этих выдающихся психологов В.П. Зинченко хорошо знал (кроме Л.С. Выготского) с юности лично и считал их своими главными учителями. Ибо они являлись не только носителями мощных психологических

традиций, но и авторами оригинальных психологических новаций, которые рождались и рефлексировались порой непосредственно в присутствии В.П. Зинченко в 1940–1960-е гг.: на домашних творческих семинарах, в университетских лекциях и на заседаниях кафедр и Ученого совета отделения психологии философского факультета МГУ. Среди этих корифеев отечественной психологической мысли наибольшее влияние на формирование молодого психолога В.П. Зинченко оказали его непосредственный учитель, выдающийся психолог и педагог академик АПН РСФСР А.В. Запорожец (в лаборатории и в семье которого он систематически обсуждал проблемы своих первых экспериментальных и теоретических исследований), а также креативно-развивающая среда интеллектуального общения как с уже состоявшимися, так и с начинающими молодыми учеными — психологами и философами.

О периодизации и энциклопедической панораме научного творчества В.П. Зинченко

Разнообразие научных интересов и параллельных изысканий, присутствующих всей многогранной жизнедеятельности В.П. Зинченко, ставит перед рефлексирующим ее перипетии историком науки сложную, практически трудновыполнимую задачу схемной периодизации его творчества как целостного способа рефлексивно-персонологической характеристики его вклада в науку. Пожалуй, с аналогичной сложностью мы столкнулись разве что при рефлексивно-персонологическом анализе и

экзистенциально-социокультурной реконструкции жизнедеятельности выдающегося ученого-энциклопедиста, российского психофизиолога Серебряного века русской культуры рубежа XIX–XX вв. Н.Я. Пэрна (1925), соратника академиков-физиологов Н.Е. Введенского и А.А. Ухтомского, творчество которого столь же многогранно и полипредметно (см.: Деркач и др., 2005), сколь само-рефлексивно и методологично, как и у В.П. Зинченко (1995, 2004).

Исходя из анализа пройденного им пути и выделения в нем ключевых вех жизнедеятельности можно дифференцировать в ней следующие основные периоды.

На первом этапе рубежа 1940–1950-х гг. В.П. Зинченко получает психологическое образование и первые навыки научно-исследовательской деятельности на психологическом отделении философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

На втором — в 1950-е гг. — параллельно в МГУ и Институте дошкольного воспитания АПН РСФСР ведет исследования по генезу психологии зрительного восприятия и по детской психологии.

На третьем — на рубеже 1950–1960-х гг. — он в МГУ осуществляет свои фундаментальные общепсихологические исследования по восприятию, памяти и действию в контексте прикладной проблематики инженерной психологии.

На четвертом — на рубеже 1960–1970-х гг. — он обогащает в МГУ инженерно-психологические исследования познавательной и исполнительной деятельности междисциплинарными

прикладными изысканиями и переходит в ВНИИТЭ к проектно-моделирующим разработкам в сфере новой дисциплины интегративного типа — эргономики.

На пятом этапе — в 1970–1980-е гг. — он развивает в МГУ и совместно с В.М. Муниповым в ВНИИТЭ изучение эргономической проблематики в ее взаимодействии с дизайном (технической эстетикой) с опорой на методологию системно-деятельностного подхода к проектированию средств отображения информации и органов управления систем «человек — машина — средства труда — производственная среда» и инженерно-психологическому обеспечению принятия решений в системах управления.

На шестом этапе — на рубеже 1980–1990-х гг. — он участвует в организационно-содержательной перестройке АПН СССР в РАО РФ и координирует с А.В. Петровским и В.В. Давыдовым взаимодействие психологии с педагогикой и возрастной физиологией в социокультурном контексте строительства новой демократической российской государственности.

На седьмом этапе — на рубеже 1990–2000-х гг. — он осуществляет научную и преподавательскую деятельность в Международном университете в городе физиков-ядерщиков Дубне и ведет свои теоретические исследования во взаимодействии с естествознанием и гуманитаристикой, будучи профессором психологии Самарского университета.

На восьмом этапе — в 2000-е гг. — он ведет свою теоретическую и преподавательскую деятельность на факультете психологии Национального исследовательского университета —

Высшая школа экономики в социокультурном контексте взаимодействия общей психологии и психофизиологии с социоэкономическими и гуманитарными науками.

Однако нельзя не отметить, что в представленную здесь схему периодизации основных этапов жизнедеятельности В.П. Зинченко весьма трудно органично вместить и достаточно полно охарактеризовать все разнообразное содержание его научного творчества — настолько оно полифонично по тематике, многогранно по жанру исследований и своеобразно по форме обобщения их результатов. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить и рефлексивно эксплицировать содержательные и стилевые различия двух обобщающих — и при этом весьма разных по тематике — монографий В.П. Зинченко, итоговых для его научной деятельности: в 1990-е гг. «Образ и деятельность» (1997а) и в 2000-е «Сознание и творческий акт» (2010).

Важно подчеркнуть, что на различных этапах весьма существенной для В.П. Зинченко была разработка тематического ядра его творчества — в виде сквозных для всей его научно-энциклопедической деятельности проблем: философского, методологического, общенаучного, историко-научного, общепсихологического, онтогенетического, инженерно-психологического, эргономического, психолого-педагогического, художественно-эстетического, литературно-критического, социокультурного и публицистического характера. Одной из таких первых (наряду с восприятием и действием) по времени стала для В.П. Зинченко фундаментальная разработка общепсихологической проблематики деятельности,

изучавшейся им с позиций психологической теории деятельности, физиологии активности и культурно-исторической психологии в социокультурном контексте развития таких новых областей прикладного знания, как системотехника, дизайн (техническая эстетика) и эргономика.

О психолого-эргономической концепции познавательной и исполнительской деятельности В.П. Зинченко

За продуктивной эволюцией разработки концепции деятельности в трудах В.П. Зинченко научная общественность философов, психологов, физиологов и эргономистов следила по его многочисленным публикациям, отражавшим прогресс общепсихологического и инженерно-психологического знания. Мне же как историку и методологу науки (философских школ Н.Г. Алексева, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина), а также исследователю психологии мышления и творчества (научных школ П.Я. Гальперина, Я.А. Пономарева, М.Г. Ярошевского) — довелось непосредственно наблюдать за эвристическим развитием деятельностной концепции В.П. Зинченко изнутри: в качестве его многолетнего сотрудника. Если спроецировать экзистенциально-персонологическую рефлексию творчества В.П. Зинченко на периодизацию его научного пути, то источником ее феноменологии для меня служит не только анализ предметно-публикационного ряда его многочисленных трудов, но и личное включенное наблюдение в различные ситуации развития социокультурной деятельности их ав-

тора. Ибо в течение почти полувека мне пришлось не только лично встречаться с В.П. Зинченко с начала 1960-х гг., но и тесно взаимодействовать с ним на протяжении четвертого, пятого, шестого и восьмого обозначенных выше периодов его жизнедеятельности.

Так, на четвертом ее этапе в середине 1960-х гг., будучи пытливым студентом МГУ и лаборантом одной из исследовательских групп инженерно-психологической лаборатории, я с интересом посещал на психологическом отделении философского факультета МГУ захватывающие доклады и впечатляющие лекции яркого молодого ученого, энтузиаста общей, возрастной и инженерной психологии В.П. Зинченко, который вскоре при поддержке декана академика АПН РСФСР А.Н. Леонтьева организовал одноименную кафедру на возникшем в 1966 г. факультете психологии.

Позднее, на пятом этапе, мне довелось работать в 1975–1984 гг. под непосредственным началом В.П. Зинченко в возглавлявшемся им отделе эргономики ВНИИ технической эстетики, куда вместе с Н.Г. Алексеевым я был приглашен видным российским философом и системным методологом Э.Г. Юдиным в лабораторию методологии деятельности, организованную им при поддержке В.П. Зинченко и заместителя директора по науке ВНИИТЭ В.М. Мунипова.

Ассимилируя достижения отечественных концепций психологии деятельности (К.А. Абульханова, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Петровский,

С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков, Д.Б. Эльконин, М.Г. Ярошевский и др.) и отталкиваясь — часто критически, порой творчески — от ее философско-методологических трактовок (Г.С. Батищев, Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, М.С. Каган, В.С. Швырев, Г.П. Щедровицкий), Э.Г. Юдин с культурно-исторических и системно-методологических позиций выдвинул программу междисциплинарного изучения структуры и способов деятельности в прикладных контекстах ее социокультурного анализа психологического исследования, эргономического проектирования и дизайнерских разработок.

Эта программа начала реализовываться в 1975 г. в лаборатории Э.Г. Юдина (перед самой его внезапной безвременной кончиной) учеными-эргономистами (В.М. Мунипов, В.М. Гордон) в содружестве с философами (В.А. Лекторский, А.П. Огурцов, В.С. Швырев, Н.С. Юлина и др.) и психологами (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, И.Н. Семенов и др.) в коллективной монографии «Методологические проблемы исследования деятельности», опубликованной в качестве 10-го выпуска в серии «Труды ВНИИТЭ». Поскольку соавторами этой книги были видные философы весьма передовых (для самого разгара брежневской эпохи застоя) взглядов, а сам ее инициатор Э.Г. Юдин был на рубеже 1950–1960-х гг. безвинно репрессирован за демократические взгляды на развитие философии (см. послесловие Б.Г. Юдина ко 2-му изданию книги его брата), то она все же вышла в свет в начале 1976 г. лишь благодаря научной принципиальности и дипломатическим усилиям ответ-

ственного редактора этой книги, заведующего кафедрой психологии труда и инженерной психологии, профессора МГУ и заведующего отделом эргономики ВНИИТЭ В.П. Зинченко. По его с В.М. Муниповым ответственным поручениям мне пришлось челночно возить рукопись этой дискуссионной и новаторской по тем временам книги для паллиативного редактирования и идеологического согласования по экспертам, цензорам и инстанциям. В результате тогда все-таки удалось добиться публикации этой книги при поддержке научных друзей покойного Э.Г. Юдина во главе с В.П. Зинченко и В.В. Давыдовым.

Согласно появившимся в отечественных журналах «Вопросы философии» и «Техническая эстетика» рецензиям, эта книга явилась существенным продвижением в междисциплинарной разработке философской, эстетической, методологической, социологической, психологической, эргономической проблематики деятельности, о чем также свидетельствует изданный вскоре в США перевод ряда ее разделов. Наряду с другой книгой В.П. Зинченко и В.М. Мунипова «Методологические проблемы эргономики» (М.: Знание, 1974) эта коллективная монография стала первым шагом в систематическом изучении методологических проблем эргономики. Оно было развернуто в ВНИИТЭ при поддержке В.П. Зинченко и В.М. Мунипова в организованной Н.Г. Алексеевым группе методологических проблем эргономики, возглавлявшейся мною в 1976–1984 гг. По их заданию эта группа (Н.Г. Алексеев, В.К. Зарецкий, Н.Б. Ковалева, И.Н. Семенов,

А.Б. Шеин и др.) стала разрабатывать методологические средства системного анализа проблем эргономики, в том числе проектирования, исследования и оптимизации познавательной и исполнительской деятельности в процессе принятия оперативных решений (см.: Труды ВНИИТЭ, вып. 17, 20, 23, 26).

Параллельно изучению этой методологической проблематики мною в отделе эргономики ВНИИТЭ завершалось начатое еще в МГУ (под руководством П.Я. Гальперина на кафедре Н.Ф. Талызиной) и продолженное в Институте истории естествознания и техники АН СССР (под руководством Н.Г. Алексеева и М.Г. Ярошевского) теоретико-экспериментальное исследование новой, считавшейся в то время довольно экзотичной проблемы рефлексивной организации творческого мышления. Наша первая работа (Семенов и др., 1977), специально посвященная изучению рефлексивного аспекта принятия решений, была взята В.П. Зинченко в 14-й выпуск трудов ВНИИТЭ по эргономике, опубликованный под его редакцией. Несмотря на то что я связывал разработку этой проблемы со считавшимися тогда «одиозными» трудами эмигранта В.А. Лефевра и философского «изгоя» Г.П. Щедровицкого, В.П. Зинченко — в силу присущей ему широты научных интересов и смелости своих гражданских взглядов — поддержал своим научным авторитетом эту работу и создал благоприятные производственные условия для завершения мной кандидатской диссертации, за что я ему глубоко благодарен.

На рубеже 1970–1980-х гг. наша группа разрабатывала теоретиче-

ские проблемы и методологические средства эргономики, издав ряд сборников и пособие «Эргономика в определениях» (М.: ВНИИТЭ, 1980) под редакцией В.П. Зинченко и В.М. Мунипова. При этом группа энергично участвовала в создании и реализации инновационного и масштабного для того времени международного проекта — разработке во ВНИИТЭ по линии сотрудничества с учеными стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) фундаментального руководства «Эргономика: Принципы и рекомендации», опубликованного первым (1981) и вторым дополненным (1983) изданием под редакцией В.П. Зинченко и В.М. Мунипова. Методологическое обеспечение этого руководства и дальнейшего развития эргономики как становящейся научной дисциплины интегративного типа привело к оформлению созданной Э.Г. Юдиным и Н.Г. Алексеевым при поддержке В.П. Зинченко и В.М. Мунипова Останкинской методологической школы (см. о ней: Семенов, 1992) системного психолого-эргономического анализа концептуальных схем деятельности поиска и принятия решений (см.: Алексеев и др., 1991; Алексеев и др., 1983; Бошев и др., 1981; Мунипов и др., 1979; Юдин Э.Г., 1978; Юдин Б.Г., 1986 и др.).

Отправным пунктом для системно-методологического изучения этой научной школы междисциплинарной проблематики деятельности послужили, с одной стороны, критика на руководимом Э.Г. Юдиным семинаре абстрактной системно-диалектической трактовки деятельности М.С. Кагана и социотехнической теории нормативно-внесубъектной

деятельности Г.П. Щедровицкого (см.: Зинченко, 2004), а с другой — анализ и обобщение в нашей лаборатории общепсихологической концепции деятельности А.Н. Леонтьева и ее дальнейшее теоретико-методическое развитие В.П. Зинченко в его концепции взаимодействия познавательной и исполнительной деятельности. Согласно этой концепции, В.П. Зинченко теоретически расширил теорию деятельности А.Н. Леонтьева, введя в ее структуру такой новый компонент, как функциональные блоки, причем на основе не только результатов собственных экспериментальных исследований, но и на базе достижений физиологии активности Н.А. Бернштейна. Рефлексируя результаты экспериментального исследования этого компонента в дальнейшем при изучении проблематики творческого акта, В.П. Зинченко характеризует его следующим образом: «Функциональные блоки (они же уровни) обработки информации, подобно функциональным органам, существуют виртуально, они актуализируются по мере необходимости при возникновении поведенческих или других задач. Они могут быть организованы иерархически. Возможна и гетерархия, которая может представлять собой своего рода когнитивный пул, т.е. не последовательное, а параллельное сочетание сил, направленных на решение задачи» (Зинченко, 2010, с. 231).

Построение этой новой общепсихологической концептуальной схемы оперативной деятельности оказалось возможным благодаря созданию В.П. Зинченко оригинальных методов микроструктурного, микро-

генетического и микродинамического анализа познавательной (восприятие, память, внимание) и исполнительной деятельности (оперативные действия, информационная подготовка и принятие решений), а также фундированному экспериментальному исследованию ее механизмов в прикладном контексте не только инженерно-психологических разработок и эргономического проектирования, но также продуктивно-эстетического восприятия и визуально-художественного мышления.

Большинство результатов этих исследований научной школы В.П. Зинченко публиковалось им и его сотрудниками в изданиях факультета психологии МГУ, а также в научных трудах и методических руководствах ВНИИТЭ, где он десятилетиями был ответственным редактором двух научных серийных изданий: «Эргономика. Труды ВНИИТЭ» и «Эргономика. Принципы и рекомендации». В целом все это составило концептуально-дидактический базис для создания ряда учебных пособий в целях совершенствования преподавания общей, инженерной психологии и психологии труда в МГУ и МИРЭА, а также теоретико-методологическую базу для научного обеспечения во ВНИИТЭ прикладных инженерно-психологических исследований и развертывания системотехнических проектов и стандартов в таких новых интегративных научно-практических областях, как эргономика и дизайн. Если проблематика деятельности доминировала в первой половине жизнетворчества В.П. Зинченко, то, не изменяя ей, во второй его половине он в большей

степени обобщал свои исследования сознания и творчества, что в результате привело его размышления фактически к созданию (2010) оригинальной философско-психологической системы.

О философско-психологической системе В.П. Зинченко

Общим вектором логики развития жизнетворчества В.П. Зинченко является прогресс его научно-профессионального сознания от анализа частных, эмпирически наблюдаемых и экспериментально исследуемых психических процессов (движения, восприятия, памяти, внимания) через освоение высших творческих образцов эстетической и интеллектуальной культуры к построению оригинальной философско-психологической системы, обобщающей собственные теоретико-экспериментальные результаты и интегрирующей достижения отечественной и мировой мысли в области человекознания. Рефлексируя жанр и стиль своей итоговой книги, В.П. Зинченко отмечает, что в ней «была сделана попытка осмыслить и соединить философские, поэтические, психологические и психоаналитические представления о познании и действии, значении и смысле, интуиции и рефлексии, аффекте и переживании. Все это богатство соединяется в мгновенных актах мысли, происходящих в зазорах длящегося опыта. Движение по этому пути (к неклассическим формам рациональности. – *И.С.*), возможно, приведет нас к пониманию микроструктуры и микродинамики творческого акта» (Зинченко, 2010, с. 557).

Эволюция научной деятельности В.П. Зинченко (1958) началась с конкретных экспериментов по зрительному восприятию, выяснению роли в нем движений руки и глаза, что трансформировалось в изучение фундаментальной проблемы формирования образа. Ее онтогенетическое и общепсихологическое теоретико-экспериментальное исследование привело не только к комплексному микроструктурному и микродинамическому изучению системного взаимодействия двигательной и когнитивной активности человека, но и к прикладному инженерно-психологическому анализу, эргономическому моделированию и дизайнерскому проектированию его познавательной и исполнительской деятельности, а позднее — к разработке психологических основ оригинальной педагогики «живого знания» (Зинченко, 1998) и созданию философско-психологической системы рефлексирующего сознания и интуитивно-творческого акта.

Социокультурными предпосылками для всех этих инноваций В.П. Зинченко послужили не только рациональная ассимиляция им и оригинальное развитие конструктивных научных подходов (культурно-исторического, деятельностно-формирующего, когнитивно-системного в психологии, в физиологии — полифункционального изучения доминанты и активности в естествознании) и достижений философско-методологической мысли (Зинченко, 2004), но также эстетическое освоение и экзистенциальная рефлексия высших творческих образцов русской и мировой художественной культуры в сфере поэзии, прозы, живописи (Зинченко, 1994, 1997б, 2000).

Ряд своих работ — как ранних, так и поздних — В.П. Зинченко посвятил исследованиям творческого акта, а также сознания и рефлексии. Результаты их многолетнего изучения интегрированы В.П. Зинченко в его философско-психологической концепции (2010), сравнимой по своей феноменологической глубине и прекрасному художественно-образному стилю с книгой Б.М. Теплова «Ум полководца» (1943, 1961), а по системно-обобщающей масштабности, теоретико-экспериментальной фундаментальности и полипредметному энциклопедизму с трудами С.Л. Рубинштейна середины XX в. (1957), несмотря на их принципиальное различие (см.: Семенов, 2009) во временных и социокультурных контекстах, в онтологических позициях, методологических подходах и теоретических трактовках психики и поведения, восприятия и мышления, души и тела, сознания и рефлексии, деятельности и творчества, человека и мира в целом. В обоих случаях оригинальные теоретические конструкции созданных В.П. Зинченко и С.Л. Рубинштейном философско-психологических систем базируются на концептуальных обобщениях ими громадного эмпирического и экспериментального материала, охватывающего феноменологию практически всех основных психических функций, системные взаимосвязи которых интерпретируются в целях изучения фундаментальных проблем психологической науки — развития личности, ее сознания и поведения, деятельности и творчества, бессознательного и интуиции, эмоций и переживаний, рефлексии и самосознания, образа Я и бытия в контексте об-

щения человека с другими людьми и его взаимодействия с природной средой и миром культуры.

Разумеется, итоговая книга В.П. Зинченко (2010) станет в дальнейшем предметом специального изучения и поликонтекстуального анализа разных ученых — методологов, эстетиков, филологов, педагогов, но, прежде всего, философов, психологов и физиологов. Пока же ограничимся кратким анализом ряда ее ключевых аспектов, иллюстрируя их трактовку характерным авторским словом и захватывающим стилем.

О концепции сознания и рефлексии В.П. Зинченко

Важную роль в изучении сознания играет анализ его смысловой сферы и роли в ней рефлексии. Говоря о рефлексии, В.П. Зинченко подчеркивает: «...отмечу важнейшую особенность человеческого мышления. Найденный человеком смысл, рожденная им мысль — объективны; точнее, они становятся объективными в актах рефлексии. В таких актах мыслящее Я отделяет от себя возникшую мысль и может оценивать ее как объект, как вещь, т.е. как нечто такое, что может или не может реализоваться, что подлежит оценке, в том числе и нравственной, культурной, этической» (Зинченко, 2010, с. 377–378).

В теоретическом плане интегральная книга В.П. Зинченко обобщает многолетнее изучение им строения сознания, предлагая его трехслойную структуру, согласно которой оно состоит из бытийного, рефлексивного и духовного слоев: «Бытийный слой образуют биодинамическая ткань живого движения и

действия и чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значение и смысл. Духовный — Я и Ты. По отношению к выделенным уровням сознания различие сознательно-го/бессознательного лишено смысла» (там же, с. 251). Как подчеркивает В.П. Зинченко, «компоненты структуры сознания... представляют собой гетерогенные образования, каждое из которых несет на себе свойства целого. Это формы активности, не только заслуживающие, но и выступающие в качестве предметов самостоятельного исследования» (там же, с. 252).

Так, например, в рефлексивном слое В.П. Зинченко выделяет такие компоненты и особенности сознания, как: значение, смысл, биодинамическая ткань, чувственная ткань, наблюдаемость компонентов структуры, относительность разделения слоев, гетерогенность компонентов структуры сознания (там же, с. 253–264). Интерес у меня как специалиста по психологии рефлексии вызывает теоретическое положение В.П. Зинченко о том, что «возникающие в ходе взаимодействия биодинамической и чувственной ткани эффекты, названные фоновой рефлексией, в качестве результата дают основания для принятия решения о возможности осуществления поведенческого акта» (там же, с. 275). Заметим, что с такого рода эффектами мы также столкнулись при экспериментальном изучении роли рефлексии в регуляции практического мышления при решении субъектом двигательно-творческих задач (Дмитриев и др., 1992; Кузнецов, Семенов, 1994 и др.).

Однако В.П. Зинченко не ограничивается теоретическим введением

понятия фоновой рефлексии и его экспериментальной верификацией в своих изящных экспериментах с Н.Д. Гордеевой (2001), но и обращается к противоположному полюсу высших форм рефлексирования человеком бытия: «Значения и смыслы, которыми оперирует сознание, не всегда могут быть вербализованы, в том числе и потому, что слово нередко убивает открываемые и порождаемые им смыслы. По мере накопления опыта созерцания, переживания, страдания душа как бы впадает в понимание, фиксирует неотрефлексированные значения и смыслы. Я не хочу сказать, что созерцание — медитация — переживание, равно как и формы искусства, побуждающие душу вновь впасть в эти состояния, не рефлексивны или дорефлексивны. Возможно, что они представляют собой высшие формы рефлексии — рефлексии духовной, которая сродни озарению, сатори, инсайту» (Зинченко, 2010, с. 354).

В связи с этим В.П. Зинченко исследует проблему смысла в философском, эстетическом, культурологическом, лингвистическом и психологическом аспектах, в итоге отмечая: «Конечно, трудно спорить, что в сознательной осмысленной деятельности возможно рождение новых смыслов. Но возможна ведь и утрата смыслов, обесмысливание деятельности, что, впрочем, может оказывать благотворное влияние как на деятельность, так и на выполняющего ее актора. У последнего может появиться шанс найти новые смыслы, а затем построить новую деятельность. Нахождение, открытие, обретение смысла — это только часть дела, хотя и важнейшая, за ней следует его

инкубация, созревание и развитие, заключительной частью является выражение, воплощение смысла. Оно далеко не всегда удается, и его можно условно назвать нисхождением смысла... Нисхождение смысла — это его материализация, опредмечивание в операциональных, предметных, перцептивных, эмоциональных, концептуальных, символических или, наконец, в вербальных значениях. В конце концов, в действии, в деле, в поступке» (там же, с. 320–321). Эта микродинамика смыслообразования подтверждается также нашими исследованиями его макродинамики как «восхождения — нисхождения» смыслов через инсайтную кульминацию рефлексивно-творческого процесса, что позволило описать его психологический механизм в виде «кристаллической модели» (Степанов, Семенов, 1990) креативно-инновационного разрешения проблемно-конфликтной ситуации посредством интенсификации интеллектуально-личностных ресурсов человека. Как отмечает В.П. Зинченко, еще А.В. Запорожец применил метафору «кристаллизации» для характеристики формирования действия, назвав «знаковую операцию или операциональное значение кристаллом действия» (Зинченко, 2010, с. 389), сам он также неоднократно использует ее при анализе взаимодействия значения и смысла в творческом акте.

Существенный интерес в контексте общепсихологической теории сознания и художественного творчества вызывает разработка В.П. Зинченко проблемы метафоры: «Посредством нее осмысливается и заполняется пустота, заполняются разрывы,

трещины, пропасти. Пустота, осваиваясь, превращается в жизненное пространство, в пространство Между. Мера ее творческого потенциала определяется числом кинематических цепей степеней свободы тела живого существа, которое измеряется несколькими сотнями... Отсюда — практически неограниченные генеративные возможности метафоры в создании бесконечных вариаций, новых динамических форм как реальных, так и виртуальных, как знаково-символических, так и предметных, как эстетических, так и утилитарных» (там же, с. 328). Отсюда В.П. Зинченко делает справедливый вывод о том, что «обращение психологии к проблематике смысла повлечет за собой возвращение в нее проблематики души. И то и другое есть необходимое условие интеграции психологического знания, о которой сегодня многие заботятся» (там же, с. 329). В этом выражается логика развития философско-психологического изучения проблемы души и индивидуальности человека, о чем также свидетельствует историко-научный анализ прогресса психологического познания (см.: Абульханова и др., 2009; Деркач и др., 2005; Рубинштейн, 1957; Семенов, 1973, 2006 а, б; 2009 б; Шадриков, 2006 и др.).

Необходимо подчеркнуть, что одним из конструктивных подходов к подобной интеграции является развиваемая В.П. Зинченко концепция сознания, согласно которой в целом «мыслимая структура сознания не только диалогична, т.е. открыта, полифонична, но и полицентрична. Каждая из образующих бытийного, рефлексивного и духовного слоев сознания обладает известными степенями

свободы, ограничению которых служит взаимодействие с другими. Полицентризм означает, что любая из образующих может по ходу работы сознания становиться его смысловым центром, своего рода доминантой, подчиняющей себе другие центры. Смена таких... центров тем легче, чем выше духовная вертикаль, представленная в сознании... Смена необходима и для поиска точки опоры для самосознания» (Зинченко, 2010, с. 279). От указанных положений о свободе и открытости сознания, о его полифоничности и полицентричности — прямой путь к переходу от первой части книги «Сознание» к психологии «Творческого акта», что и составляет содержание ее второй части. Ибо, как подчеркивает В.П. Зинченко, «сознание, пусть даже в его бессознательных формах, и творчество, пусть даже в его сознательных формах, неразделимы» (там же, с. 333).

О концепции творческого акта и интуиции В.П. Зинченко

Отмечая, что «скромность успехов в познании творчества не должна удивлять, особенно если учесть, что для раскрытия строения атома понадобилось 2,5 тысячи лет» (Зинченко, 2010, с. 342), В.П. Зинченко исходит из максимы, согласно которой «для понимания продуктивного мышления недостаточно классической формы научной рациональности: необходимо ее расширение» (там же, с. 344). В гносеологическом плане он считает: «В творческой деятельности участвуют все силы души, как бы они ни назывались: психологические функции, процессы, орудия, систе-

мы, функциональные органы и т.п. Важно, что каждая из этих сил, будь то восприятие, внимание, память, мышление, переживание и т.д., содержит в себе главные атрибуты души — познание, чувство и волю (действие). Они не только когнитивны, но деятельностны и пристрастны» (там же, с. 346). В феноменологическом плане В.П. Зинченко подчеркивает: «Взаимное наполнение... внутренних форм движений, действий образов, слов, эмоций следует рассматривать в контексте интеллектуализации психических функций (Л.С. Выготский), благодаря которой они могут стать высшими. В культуре издавна существуют свидетельствующие об этом выражения и метафоры: умное действие, умные эмоции, живописное соображение, визуальное мышление, разумный глаз, глазастый разум, осмысленный образ, зрячих пальцев стыд, кинестетическая мелодия и т.п. Да и слово не должно быть пустым и полым: поэты ведь и образ мира являют в слове» (там же, с. 349). Такая трактовка феноменологии продуктивности психики позволяет перекинуть мостик от экспериментальной психологии творчества к эмпирической психологии искусства: «В актах творчества и в актах восприятия произведений искусства непременно присутствуют вчувствование, скрытый диалог и восполнение кругозора другого своим избыточным видением» (там же, с. 352).

Культурно-исторический и функционально-деятельностный анализ феноменологии творчества человека как его «смыслообразующей работы своей собственной души» (там же, с. 356) позволяет В.П. Зинченко, отталкиваясь от учения В. Гумбольдта

и Г.Г. Шпета о внутренней форме слова, выдвинуть онтологический принцип бытия психического: «*Внешнее зарождается внутри, а внутреннее зарождается вовне*. Например, образ, зарождаясь в действии, потом сам может породить новое действие... реализация действия есть декомпозиция и образа, и ситуации, и образа действия, регулирующего эту реализацию; и одновременно с этим есть композиция образа измененной действием ситуации, а возможно, и композиция будущего образа действия» (там же, с. 358). В этой онтологеме существенный прогресс психологического знания на базе методологического развития теории детерминизма, синтезирующей (по принципу дополнительности) его трактовки в концепциях бытия психики человека Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна (см.: Семенов, 1973, 2009 а, б).

Далее В.П. Зинченко углубляет эту онтологему интегративно-междисциплинарным принципом амплификации — как общегенетическим принципом развития психического: «Путь от сохраняющего интегрального начала, будь оно физиологическим, психологическим или художественным, является общим. Это путь его амплификации и последующего вычленения, дифференциации отдельных функций, а затем формирования специализированных центров, динамических функциональных органов индивида и обеспечивающих их работу функциональных органов нервной системы. В результате вычленения и дифференциации, происходящих в ходе развития индивида, происходит относительная автономизация действия, образа, слова, мысли, аффекта, и речь уже идет не об

их интеграции, а о союзе, единении, координации, субординации, синхронизации, пуле и других путях, обеспечивающих необходимое взаимодействие автономизировавшихся подсистем» (там же, с. 484). Учет этой «предиспозиции развития» (там же, с. 485) необходим при изучении интуиции как творческого акта.

Констатируя, что ученые «в анализе механизмов творчества тоже не очень далеко ушли от поэтов» (там же, с. 360), ибо «Каждый исследователь мышления выбирает для изучения какой-либо один инструмент, неминуемо утрачивая целое» (там же, с. 360), В.П. Зинченко выдвигает важный методологический принцип, согласно которому «при изучении творчества нельзя ограничиваться каким-либо одним из его источников будь то воображение (даже трансцендентальное), мышление или даже *память муз*, которую поэты называют *всего причиной*. Наличие многих источников творчества — это и есть его гетерогенность» (там же, с. 368). Исходя из этого тезиса, В.П. Зинченко ставит перед собой и оригинально эпистемически решает извечную феноменологическую задачу: «Не претендуя на разгадку механизма творчества... хотя бы схематически представить, что происходит при создании нового... В этом процессе выделяются следующие основные стадии: 1. Возникновение темы... 2. Восприятие темы, анализ ситуации, *осознание* проблемы... 3. Работа над решением проблемы... 4. Возникновение продуктивной идеи, образа — эйдоса решения... 5. Исполнительная, по сути, техническая стадия... Все эти стадии характеризуют как индивидуальную, так и коллективную

работу» (там же, с. 368–369). Рефлексируя эту предложенную им концептуальную схему творческого процесса, В.П. Зинченко интерпретирует ее значение так: «На каждой стадии есть свои внешнее и внутреннее, своя тайна и своя драма. Есть место и озарению, и инсайту. Не так легко в творческом процессе отделить начала и концы, оригинальность и рутину. Эта схема — не столько результат изучения, сколько экстракт, собирательный образ и обобщение того, что рассказано о собственной работе создателями произведений в сферах искусства, науки, техники» (там же, с. 369–370).

Новизной и оригинальностью в этой схеме, как и во всей концепции творческого акта, является, кроме прочего, не только постановка В.П. Зинченко малоизученной (по сравнению с детерминацией срединности поиска) проблемы «начал и зазоров» составляющих его процессов, но и ее решение, в частности, в виде положений о продуктивной роли «молчания» как «активного покоя». В связи с этим «вновь приходится обращаться к пространствам между Я — Ты, между “сознательным” и “бессознательным”. Такие пространства представляют собой и зазоры в времени длящегося опыта, когда происходит обучение, самообучение и развитие, зазоры, получившие название активного покоя, зазоры — молчания, которое дороже слова. Речь идет о хронотопе сознательной и бессознательной жизни» (там же, с. 508). Ибо «персонификация молчания соответствует и персонификации слова (не только Божьего), исходящей от поэтов, философов и ученых» (там же, с. 498). Ведь «за

молчанием, словом, паузой стоят образы, символы, действия, в том числе и такие действия, которые психологи называют внутренними... между словом и молчанием имеется синхроническая связь, когда они одновременны, например, когда умолчание маскируется словом... В подлинном диалоге, как и в подлинном произведении искусства, непременно недосказанность, порой — сверхсказанность, оставляющая избыточность степени свободы для понимания и вчувствования в сказанное и для мысли, чувства и для действия по поводу несказанного» (там же, с. 500).

В.П. Зинченко убедительно показывает, что «живое, плодотворное молчание подобно плавильному тиглю», где «переплавляются внутренние формы слова, образа, действия и рождаются новые формы, питаемые внутренними ритмами, энергией покоя и освещаемые внутренним невидимым для окружающих светом молчания, сосредоточенности, вдохновения» (там же, с. 501), и подчеркивает: «Метафора плавильного тигля схватывает интегральность смысла (сознания) и плавку металлов, порождающих нечто новое» (там же, с. 509). В этом тигле плавятся внутренние формы — из-за их динамического характера: «их называют живыми, энергичными, резонансными формами, формами силы... творчество — это преодоление стихии сознания и бытия, преодоление хаоса, но хаоса не первобытного, а плодотворного, производного от чего-то ранее оформленного и находящегося в некотором осмысленном функциональном пространстве» (там же, с. 513). Итак, «внутренняя форма... подобна геному, но не телесного,

органического, а психологического, культурного, духовного развития» (там же, с. 518).

Исходя из анализа психологии внутренней формы сквозь призму категории «непосредственное—опосредствованное», В.П. Зинченко трактует роль интуиции и дискурса в творчестве: «...в интуитивном акте открывается смысл, в дискурсивном — цепочка значений, в которых смысл находит свое новое воплощение, готовое к объективации в виде нового образа, слова, мысли, действия. Содержательно процесс познания (мышления, понимания) может быть описан как чередование противоположно направленных актов осмысления значений (предметных, операциональных, вербальных, концептуальных и т.п.) и означения смыслов. Указанные акты не только противоположно направлены, но и асимметричны. В зазоре, просвете между ними нередко происходит драматический спор между уже означенными и невыразимыми, но ощущаемыми смыслами. Последние, несмотря на невыразимость, подпитывают дискурсию... именно в таких просветах имеется место для того, что М. Хайдеггер назвал прозрение в то, что есть... Прозрение, видимо, представляет собой высшую форму творческой интуиции. Его результаты не просто означаются, а служат основой творения» (там же, с. 539–540). Заметим, что в связи с этой оригинальной концепцией интуитивного акта, предложенной В.П. Зинченко, специалистам в области психологии творчества была бы интересна трактовка им концептуальных моделей интуиции, разработанных философом (В.Ф. Асмус, М. Бунге, А.А. Нал-

чаджян) и психологами, которые также не только учитывают ее сознательные и рефлексивные аспекты, как Л.Л. Гурова и Я.А. Пономарев, но и строят модель их взаимодействия (Асмус, 1963; Семенов, 2000), верифицируя ее эмпирически (Бершацкий, Семенов, 2003; Семенов, 2006 а).

Исходя из онтологемы, что «хаос — это избыток степеней свободы не только внешних, но и внутренних форм, являющийся условием и основанием их динамики» (Зинченко, 2010, с. 549), В.П. Зинченко считает: «Итогом творческого акта (деятельности) является новообразование, иная организация хаоса (иной порядок), создание новых внешних и внутренних форм, несущих смысловую нагрузку. Сердцевиной творческого акта является формообразование, а его движущей силой — трансцендирование — выхождение за пределы себя» (там же, с. 547).

Отмечая, что «непосредственность творчества столь же значима, как и его опосредованность» (там же, с. 552), В.П. Зинченко глубоко проникает в самую экзистенциальную суть творчества: «...переосмысление соотношения непосредственного и опосредованного в человеке — не столь уж дорогая плата за живость творимых произведений, знаний, за их способность к внутренней пульсации, лежащей в основе их влекущей и приглашающей силы» (там же). Задаваясь гносеологическим вопросом: «Есть ли в нашем “доме творчества” хозяин, в чем заключаются его обязанности и функции?» (там же), В.П. Зинченко дает свой онтологический ответ: «Под “хозяином” я понимаю сознание, которое ведает, что творит его носитель. Разумеется,

средством такого ведения должна быть рефлексия в ее осознаваемых и неосознаваемых формах» (там же). Одной из новаций В.П. Зинченко является введение им понятия о фоновой рефлексии — как «неосознаваемой, «неответчивой» или фоновой рефлексии без Я (там же, с. 455), — верифицированное им в совместных экспериментах с Н.Д. Гордеевой (2001). Теоретико-экспериментальное выделение В.П. Зинченко фоновой рефлексии существенно дополняет типологию рефлексии, согласно которой дифференцируются такие ее виды, как: интеллектуальная, личностная, диалогическая, коммуникативная, кооперативная, экзистенциальная, культуральная, духовная рефлексия (Семенов, 2000, 2006б, 2009). В концепции В.П. Зинченко: «Рефлексию в контексте спонтанного творчества следует понимать как особую смысловую санкцию, относящуюся к адекватности замыслу формы и содержания шагов творчества. В этой санкции присутствует эмоциональный компонент» (Зинченко, 2010, с. 556–557). Действительно, социокультурное выражение эмоциональной рефлексии переживаний человеком проблемно-конфликтных ситуаций его жизни составляет сферу искусства как художественного творчества.

Важное значение для психологии художественного творчества имеет понятие фоновой рефлексии, которое позволяет В.П. Зинченко дать психологическое объяснение одной из экзистенциально-персонологических тайн творчества, связанной с загадочной ролью в нем вдохновляющей творца Музы: «Нередко процес-

суальная фоновая рефлексия чувства порождающей активности “творца” персонифицируется и сознается как своя собственная активность либо выступает под именами Музы, Донны, Лауры, Беатриче, с которыми поэты связывают источники душевных порывов и вдохновений» (там же, с. 557). С этим связана идея поэтической антропологии (Зинченко, 1994).

Подытоживая изучение проблематики творчества и источников внутренней формы человека, В.П. Зинченко подчеркивает: «Моя гипотеза состоит в том, что человек по мере активного, длительного или созерцательного проникновения во внутреннюю форму слова, символа, другого человека, произведения искусства, природы, в том числе и своей собственной, строит свою внутреннюю форму, расширяет внутреннее пространство своей души» (Зинченко, 2010, с. 559).

С учетом этого в общепсихологическом плане В.П. Зинченко считает, что «субъект — опосредован, он опутан инструкциями и нормами. Личность — непосредственна, ей свойственны “участность в бытии”, “поступающее мышление”, свободные действия — поступки» (там же, с. 545). Исходя из этого он делает принципиальный общепсихологический вывод, что «подлинным предметом психологического изучения пресловутой и не слишком “святой троицы” “субъект — индивид — личность” является индивидуальность... У индивидуальности есть альтернатива: движение либо к субъекту, либо к личности. Первый путь — обеднение, обкрадывание себя, вплоть до утраты индивидуальности. Второй —

обогащение собственной индивидуальности» (там же). Такое понимание индивидуальности существенно дополняет ее трактовки, разрабатываемые (Абульханова и др., 2009) на факультете психологии НИУ ВШЭ под научным руководством В.Д. Шадрикова (Шадриков, 1982, 2006), в частности, с позиций системогенеза деятельности и мира внутренней жизни человека.

В методологическом плане итоговый труд В.П. Зинченко (2010) характеризуется не только его инкорпорированностью в широкий социокультурный контекст современной многоликой и бурной переходной эпохи рубежа XX–XXI вв., его полифонической связью с художественными образами и с литературными ассоциациями, его многоплановым диалогом с философской классикой, его полемическим взаимодействием с современной психологической мыслью и строгой экспериментатикой, но также и модельно-схемной конструктивностью ключевых теоретических обобщений. Ибо, согласно И. Канту, схематизмы мышления являются продуктивным базисом научного знания.

Предлагаемый В.П. Зинченко ряд схематизмов представлен в системе моделей, обобщающих как анализируемые философско-методологические, историко-научные и культурно-феноменологические предпосылки его теоретических построений, так и вводимые им в категориально-наглядной форме ключевые для его теории сознания концептуальные конструкты: «узел развития» (Зинченко, 2010, с. 160); «вертикаль развития» (там же, с. 162); «онтологический и идеальный планы развития»

(там же, с. 180); «вариант возможного пути развития (не слишком успешного)» и «(более оптимистического)» (там же, с. 181); «хронотоп (виртуальная единица вечности) живого движения» (там же, с. 206); «интериоризация сознания, мысли и духа в предметную деятельность (пути одухотворения предметной деятельности)» (там же, с. 213); «подъем предметной деятельности до уровня сознания, мысли, духа» (там же, с. 218); «языки описания реальности движения» (там же, с. 286); «функциональная модель предметного действия» (там же, с. 424–425); типы «взаимодействия [внешней и внутренней. — И.С.] форм в концептуальной модели» слова (там же, с. 428). Совокупность этих концептуально проработанных, научно обоснованных и феноменологически наглядных схемных моделей образует исследовательскую стратегию их дальнейшей теоретико-методической разработки и экспериментально-эмпирической верификации.

О рефлексивно-персонологической специфике научной жизнедеятельности В.П. Зинченко

Исследовательская деятельность В.П. Зинченко началась с изучения генеза взаимодействия восприятия и действия – сначала в контексте детской и общей психологии, а потом инженерной психологии и эргономики. В 1940–1960-е гг. эта научная деятельность протекала в его плодотворном научном и тесном личном общении не только со старшими коллегами отечественной психологии (Л.И. Божович, П.Я. Гальперин,

А.В. Запорожец, Б.В. Зейгарник, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин и др.) и философской мысли (В.Ф. Асмус, Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, Ю.А. Левада и др.) на психологическом отделении философского факультета МГУ и Института психологии АПН РСФСР (С.Г. Геллерштейн, Н.И. Жинкин, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов), но и со своими талантливыми сверстниками, которые в конце XX в. стали цветом российской гуманитаристики и человекознания (К.А. Абульханова, Н.Г. Алексеев, А.С. Арсеньев, В.С. Библер, И.В. Блауберг, А.А. Брудный, А.В. Брушлинский, Ф.Д. Горбов, В.В. Давыдов, В.А. Лекторский, В.Е. Лепский, В.А. Лефевр, Б.Ф. Ломов, В.М. Мунипов, В.Д. Небылицын, М.К. Мамардашвили, Ф.Т. Михайлов, А.П. Огурцов, Д.Ю. Панов, А.В. Петровский, Я.А. Пономарев, В.Н. Пушкин, В.Л. Рабинович, В.Н. Садовский, Г.Л. Смолян, О.К. Тихомиров, В.Д. Шадриков, В.С. Швырев, Ю.А. Шрейдер, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. и Б.Г. Юдин и др.).

Вместе с психолого-педагогической концепцией В.В. Давыдова творчество В.П. Зинченко вызывало встречный интерес у крупных философов. В этой связи заведующий отделом познания Института философии РАН В.А. Лекторский отмечает: «Не случаен его (Э.В. Ильенкова. — *И.С.*) интерес к вопросам психологии, педагогики, этики, эстетики. Среди его учеников и сподвижников оказалось немало выдающихся деятелей в этих областях (назову только В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.И. Мещерякова)» (Как это было..., 2010, с. 216). Натура творческая, общительная, постоянно ищущая, глубоко

размышляющая, энциклопедически эрудированная, искрящаяся юмором, любознательная, экспериментирующая и импровизирующая — выразительная личность В.П. Зинченко всегда, где бы он ни был (в институтах, на факультетах, в редакциях психологии, философии или педагогики), привлекала к себе внимание и была в центре дискуссий интенсивно общавшихся тогда молодых интеллигентов-шестидесятников (С.С. Аверинцев, Е.П. Велихов, Б.А. Грушин, А.А. Зиновьев, М.К. Петров, А.М. Пятигорский, И.Т. Фролов, Э.Г. Юдин и др.), ярким представителем поколения которых он является.

Эти прогрессивные социокультурные и экзистенциально-персонологические ценности В.П. Зинченко целеустремленно развивал и отстаивал, а также успешно реализовал в непростое время смены вех, причем не только в своем многогранном творчестве, но и в разнообразной научно-организационной деятельности, будь то создание кафедры инженерной психологии и психологии труда в МГУ, кафедры эргономики в МИРЭА и отдела эргономики в Институте технической эстетики, координация работы отделения психологии и возрастной физиологии в РАО и организация Института человека в РАН или консультирование органов власти новой демократической России, не говоря уже о его конструктивной роли в редколлегиях множества научных изданий: журналов и книг, сборников конференций и переводов, энциклопедий и словарей. Так, В.П. Зинченко многие годы — член редколлегий журналов «Вопросы психологии» и «Вестник МГУ. Серия 14. Психология» и др., а также

бесценно представляет психологию в редколлегии журнала «Вопросы философии» и в ежегоднике РАН «Системные исследования. Методологические проблемы», является главным редактором созданного им международного научного журнала «Культурно-историческая психология».

В своих недавних воспоминаниях о развитии философской мысли во второй половине XX в. главный редактор журнала «Вопросы философии» академик РАН В.А. Лекторский подчеркивает, что в его редколлегию «с начала 1988 г. ...вошли такие наши крупнейшие ученые, знающие и любящие философию: математики Н.Н. Моисеев и Б.В. Раушенбах, филолог Д.С. Лихачев, физиолог П.В. Симонов, психолог В.П. Зинченко» (Как это было..., 2010, с. 259–260). Важно отметить, что при этом В.П. Зинченко не только интеллектуально общался в столичной философско-психологической элите, но и обогащал и ретранслировал ее достижения, способствуя развитию научной молодежи (студентов, аспирантов) в университетах как Москвы, так и российской провинции — в Дубне и Самаре, где ряд лет вел преподавание в качестве профессора. Он также неоднократно представлял отечественную психологическую науку на множестве международных конгрессов и конференций, читал курсы лекций в ряде зарубежных университетов и в научных центрах Европы и США.

Оперативно, но основательно откликаясь на вызовы бурного и требовательного времени, В.П. Зинченко при этом тонко чувствует перспективы грядущего развития, мыслит мас-

штабно, ведет со своих научных позиций интеллектуальный диалог с соратниками и оппонентами, связывая с этим возможности прогресса в науке и технике, культуре и образовании. Достоянием отечественной истории психологии являются не только его фундаментальные общепсихологические и прикладные инженерно-психологические и психолого-педагогические труды, но и страстное, принципиальное и аргументированное участие в научных дискуссиях второй половины XX в. между последователями научных психологических школ Л.С. Выготского и Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова и В.М. Мунипова, П.Я. Гальперина и Н.А. Менчинской, В.В. Давыдова и Л.В. Занкова, А.В. Брушлинского и И.М. Розета, В.Н. Пушкина и О.К. Тихомирова и др.

Самостоятельное значение имеют собственно философско-методологические, социокультурно-персоналогические, художественно-критические и историко-научные труды В.П. Зинченко. Так, серия его работ посвящена не только экспликации и рефлексии психологических аспектов философских концепций (М.М. Бахтин, Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, В.А. Лефевр, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин и др.), но и анализу художественного творчества: изобразительного (В.В. Кандинский, К. Хокусай, М. Эшер), литературного (А. Белый, М.А. Булгаков, Ф.М. Достоевский), и особенно поэтического (А. Ахматова, А. Блок, И. Бродский, П. Валери, Н. Гумилев, О. Мандельштам, Б. Пастернак,

Д. Пригов, В. Рабинович, Р.-М. Рильке, М. Цветаева, Т. Элиот и др.). В связи с этим интерес вызывает выдвинутая В.П. Зинченко (1994) оригинальная концепция поэтической антропологии, которая по своему философско-психологическому пафосу перекликается с новациями Серебряного века русской культуры (см.: Семенов, 2006 б), возрождая и творчески развивая их ценности в нашей прагматичной современности. Так, после революции ученый и поэт А. Чижевский выступил с проектом создания «Академии стиха» (Калуга, 1918), а поэт-акмеист Н. Гумилев не только разработал (вслед за В. Брюсовым) технологии обучения стихосложению, но и реализовал их в мастер-классах «Цеха поэтов», которые после его варварского расстрела в 1921 г. большевиками развивались еще вплоть до Второй мировой войны как в России, так и особенно в эмиграции (во Франции, Чехословакии, Сербии, Китае).

Необходимо отметить важную роль В.П. Зинченко в изучении творческого наследия поэтов и философов (А. Ахматова, А. Белый, А. Лосев, О. Мандельштам, Б. Пастернак, П. Флоренский, С. Франк, Г. Шпет и др.) Серебряного века русской культуры и в выяснении его реального воздействия на развитие отечественной философской и психологической мысли. В этом контексте интересным для специалистов было бы соотнесение психолого-эстетической концепции В.П. Зинченко с интегральным трудом малоизвестного психофизиолога-энциклопедиста

Серебряного века Н.Я. Пэрны «Жизнь, ритм, творчество» (М., 1925) и с теоретическим предтечей «Психологии искусства» Л.С. Выготского — трудом датского философа Б. Христиансена «Философия искусства» (М., 1916), а также с достижениями научной школы искусствоведа Б.С. Мейлаха (1974 и др.), наиболее масштабной по эмпирическому охвату и междисциплинарному изучению проблематики художественного творчества в отечественной науке.

Особый историко-научный цикл среди трудов В.П. Зинченко составляют серии его теоретических статей, специально посвященных концептуальному анализу достижений крупнейших отечественных психологов (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин), физиологов (Н.А. Бернштейн, А.А. Ухтомский) и ученых-энциклопедистов (В.И. Вернадский, Б.М. Кедров, П.А. Флоренский). С особым трепетом В.П. Зинченко вспоминал свои многолетние встречи и глубоко характеризовал в специальных статьях научное творчество ближайших друзей и выдающихся сподвижников: психолога В.В. Давыдова и философа М.К. Мамардашвили. Все эти статьи В.П. Зинченко, на наш взгляд, являют собой научно-художественные образцы рефлексивно-персонологической прозы, как и ряд разделов его книги (2010), на страницах которой оживают образы его современников: соратников по философским штудиям и психологическим изысканиям.

Заключение: научная школа и векторы развития творческой деятельности В.П. Зинченко

Будучи крупным организатором науки и неутомимым тружеником, В.П. Зинченко умеет целенаправленно заинтересовать молодых ученых актуальными, но малоизученными проблемами, вдохновить их на кропотливую исследовательскую работу и создать им институциональные и лабораторные условия для эффективной научной деятельности, порой жестко отстаивая интересы своей научной школы в современной конкуренции психологических направлений. Он высоко ценит достижения своих учеников и сотрудников, составляющих, по сути, зинченковскую научную школу: Б.И. Беспалов, Ф.Е. Васильюк, Н.Ю. Вергилес, Г.Г. Вучетич, Н.Д. Гордеева, В.М. Гордон, А.Б. Леонова, Б.Г. Мещеряков, А.И. Назаров, С.К. Сергиенко, Ф.В. Соркин, Ю.К. Стрелков, Е.И. Шлягина, Д.М. Эльберт и др. Эта школа развивается и разветвляется в разных университетах: Москвы и Самары, в Высшей школе экономики, в Международном университете в г. Дубне и в ряде вузовских кафедр и научных лабораторий. Для научной молодежи творческая судьба и труды В.П. Зинченко служат впечатляющим примером продуктивного целеобразования, рефлексивно-личностного развития и достижения социальных успехов в профессиональной деятельности.

Более чем полувековое развитие научно-творческой деятельности В.П. Зинченко осуществлялось в нескольких параллельных направлениях: культурологическом, феноме-

нологическом, экспериментальном, методическом, теоретическом, философском, эстетическом, методологическом, праксиологическом, организационном, публицистическом. Человек широкой культуры, огромной эрудиции, глубоких профессиональных познаний, тонкий наблюдатель-натуралист, вдумчивый феноменолог-интерпретатор, строгий экспериментатор, создатель оригинальных теоретических подходов, экспериментальных методик и интегральных концепций в общей, детской, инженерной, когнитивной и креативной психологии, а также междисциплинарный исследователь в прикладных (эргономика, педагогика, праксиология) и фундаментальных (философия, методология, эстетика) областях познания, В.П. Зинченко является мыслителем-энциклопедистом. Громадная трудоспособность, множество талантов и широкий диапазон его философско-научных и образовательно-культурных интересов, глубина системного анализа и междисциплинарного изучения проблем переднего края науки, обоснованность предлагаемых им концепций и неповторимый стиль их изложения — легкий, увлекательный, изящный и образный, а также отменный эстетический вкус и харизма в доброжелательном общении, сдобренном острым юмором — все это являет действительно ренессансную личность.

Выражаясь метафорически-образным стилем — экзистенциально характерным для творческой индивидуальности самого В.П. Зинченко, его развитие как ученого-психолога и мыслителя-философа можно уподобить все расширяющемуся и воспаряющему ввысь мёбиусообразному

конусу, выплавляющему в тиглях психолого-междисциплинарных исследований и мировоззренчески-эстетических раздумий мозаично-целостную картину философского осмысления бытия человека в природе и культуре, сознающего рефлексией и реализующего действиями свое творческое предназначение в мире.

Если попытаться в целом охарактеризовать содержание многогранной жизнедеятельности В.П. Зинченко, то он внес творческий вклад в науку и культуру рубежа XX–XXI вв. как философ, историк, методолог и организатор науки, общий, детский, педагогический, инженерный психолог и эргономист, педагог, культуролог,

персонолог, литературный и художественный критик, популяризатор науки и публицист. Энциклопедизм В.П. Зинченко свидетельствует о продуктивном воздействии психологии на развитие системного взаимодействия современного естествознания, техникзнания, обществознания и человекознания.

Как афористично изрек философ и поэт В.Л. Рабинович о своем друге-ученом и соратнике-мыслителе в метафорическом послесловии к его итоговой книге: «Владимир Зинченко — тайновидец, но и тайнодержец, обладающий умной душой и ведущий нас сквозь термины — к звездам».

Литература

Абульханова К.А., Семенов И.Н., Старовойтенко Е.Б. и др. Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009.

Алексеев Н.Г., Зарецкий В.К., Семенов И.Н. и др. Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решений. Новосибирск: НГУ, 1991.

Алексеев Н.Г., Семенов И.Н., Шейн А.Б. Развитие методологических исследований в эргономике // Техническая эстетика. 1983. № 3.

Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов: ТГУ, 2002.

Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М.: Мысль, 1963.

Бершацкий Г.Н., Семенов И.Н. Концептуальные модели интуиции и рефлексии в структуре творческого мышления и их апробирование в управлении // Рефлексивно-организационные проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении. М.: ИРПТиГО, 2003.

Бошев П., Зинченко В.П., Семенов И.Н. и др. Теоретические основы эргономики // Эргономика: принципы и рекомендации: Методическое руководство / Под ред. В.М. Мунипова, В.П. Зинченко, Н.Г. Алексеева и др. М.: ВНИИТЭ – СЭВ, 1981.

Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6.

Держач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.

- Дмитриев С.В., Семенов И.Н., Кузнецов С.В.* Механизмы и закономерности рефлексивно-смысловой регуляции при решении интеллектуальных задач по биомеханике двигательных действий // Психология рефлексивных процессов. Новосибирск: НГУ, 1992.
- Зинченко А.В.* Ностальгия: диалог памяти и знания // Культурно-историческая психология. 2009. № 2.
- Зинченко В.П.* Движение глаз и формирование зрительного образа // Вопр. психол. 1958. № 5.
- Зинченко В.П.* Возможна ли поэтическая антропология? М., 1994.
- Зинченко В.П.* Психология в моей жизни // Мир психологии. 1995. № 5.
- Зинченко В.П.* Образ и деятельность. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1997а.
- Зинченко В.П.* Посох Манделштама и трубка Мамардашвили. К началу органической психологии. М., 1997б.
- Зинченко В.П.* Психологическая педагогика. Ч. 1: Живое знание. Самара: СГУ, 1998.
- Зинченко В.П.* Мысль и слово Густава Шпета: (Возвращение из изгнания). М.: УРАО, 2000.
- Зинченко В.П.* Комментарий психолога к трудам и дням Г.П. Щедровицкого // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли). М.: Ф.А.С.; Медиа, 2004.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Зинченко В.П., Мунипов В.М.* Основы эргономики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Зинченко П.И.* Непроизвольное запоминание. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Зинченко Т.П.* Когнитивная и прикладная психология. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000.
- Как это было: воспоминания и размышления / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. (Серия: Философия России второй половины XX в.).
- Кузнецов С.В., Семенов И.Н.* Невербальная рефлексия в микроорганизации практического мышления // Образование и культура. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1994.
- Мунипов В.М., Алексеев Н.Г., Семенов И.Н.* Становление эргономики как научной дисциплины // Проблемы методологии в эргономике / Отв. ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1979. (Труды ВНИИТЭ; Вып. 17).
- Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / Под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1974.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Семенов И.Н.* Выготский Лев Семенович. Душа. Индивидуальность // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: БСЭ, 1973.
- Семенов И.Н.* Останкинская методологическая школа концептуальных схем деятельности // Методологические концепции и школы в СССР (1951–1991). Новосибирск: НГУ, 1992. Ч. 2.
- Семенов И.Н.* Тенденции развития психологии мышления, рефлексии, познавательной активности. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000.
- Семенов И.Н.* Психология научного творчества Я.А. Пономарева во взаимодействии с российскими учеными // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006а. (Серия «Научные школы ИП РАН»).

Семенов И.Н. Значение творчества Ф.И. Тютчева для развития поэзии акмеизма и науки акмеологии в культуре Серебряного века // Россия и Европа: потенциал и перспективы развития в контексте идей Н. Данилевского и Ф. Тютчева. Брянск: ОРАГС, 2006б.

Семенов И.Н. Панорама развития философско-психологической системы С.Л. Рубинштейна в современном человекознании // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009а. Т. 6. № 3.

Семенов И.Н. Системно-психологическая и историко-научная рефлексия как средства прогресса психологии // Прогресс в психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009б.

Семенов И.Н. Социокультурная роль экзистенциальной рефлексии в развитии целеобразования и самоотношения творческой индивидуальности // Мир психологии. 2011. № 1.

Семенов И.Н., Сиротина Е.А., Зарецкий В.К. Исследование рефлексивного аспекта принятия решений // Проблемы принятия решений / Под ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1977.

Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Рефлексивно-инновационный процесс: модель и метод изучения // Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Под ред. Я.А. Пономарева. М.: Наука, 1990.

Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.

Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006.

Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 1–39 / Отв. ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1971–1991.

Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.

Юдин Б.Г. Взаимодействие наук как путь формирования новых дисциплин: пример эргономики // Дисциплинар-